

А. Ю. Митрофанов

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ И «МАССАГЕТЫ»

Статья посвящена анализу этнонима «массагеты», который употребляется в работах Прокопия Кесарийского — знаменитого ранневизантийского историка VI в. Автор приходит к выводу, что «массагеты» у Прокопия — *terminus technicus* для обозначения кочевников в византийской армии или кочевников, воюющих против Византийской империи. Прокопий как офицер разведки полевой армии Велизария, несомненно, лично сталкивался с эфталитами, представлял себе их образ жизни и этнический состав их державы. По мнению большинства специалистов, эфталиты подчинили часть сакских (хиониты) и восточно-сарматских (юэчжи) народов, захватив территории Бактрии и Согдианы. Истинные массагеты — потомки Томирис и ее соплеменников, просто растворились в массиве иранских народностей западного Турана. Если учесть, что Прокопий называл эфталитов «белыми гуннами», нет ничего удивительного в том, что он объединял все известные ему кочевые племена наименованием «гунны», заимствованным у Приска. При этом Прокопий, участник двух персидских кампаний, по-видимому, сознательно выделял наиболее боеспособных кочевников в отдельную группу, присваивал им древний и славный этноним, принадлежавший соплеменникам легендарной Томирис — победительницы Кира Великого.

Ключевые слова: массагеты, скифы, сарматы, гунны, Прокопий, Велизарий, кочевники.

Л. Н. Гумилев в одной из статей, посвященных т. н. эфталитской проблеме, очень точно сформулировал основную трудность, с которой сталкивается исследователь истории бесписьменных народов Степи. Эта трудность заключается в невозможности применения индуктивного метода исследования. Археологические находки нуждаются в типологизации и интерпретации. Археология сама по себе без помощи письменного источника с большим трудом в состоянии связать тот или иной тип памятников с конкретным этносом. Нарративные источники также далеки от совершенства. Наличие литературных стереотипов, фрагментарность сведений о кочевниках, разбросанных по разным историческим сочинениям, написанным представителями оседлых культур, часто мешает адекватному пониманию исторической ситуации. Сообщения письменных источников бывают неполными и недостоверными даже в том случае, когда древние историки рассказывают о политических событиях цивилизованного мира, свидетелями которых они были. Тем более сомнительна их достоверность там, где речь идет об истории чужих, варварских народов, обитающих в слабо изученной географической среде. Единственным выходом из тупика является применение дедуктивного метода, рассказ истории степных народов, корректируемый новыми данными источников [Гумилев, 1967].

Оставляя в стороне сложнейшую проблему происхождения и развития эфталитов, мы намерены предложить читателю на страницах данной работы очерк изменения этнического ландшафта европейской Скифии к эпохе Прокопия Кесарийского, а также уточнить значение этнонима «массагеты» в сочинениях Прокопия. Мы предполагаем решить поставленную задачу, обращаясь к предложенному Л. Н. Гумилевым дедуктивному методу.

Общим местом в византиноведении является утверждение, согласно которому представители византийской историографии использовали анахронистические

Андрей Юрьевич Митрофанов — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (non-recuso-laborem@yandex.ru).

этнонимы для обозначения новых народов. Тем самым они намеренно архаизировали повествование, подчеркивали преемственность эпох и свою связь с традицией античных логографов и историков. В частности, Феофилакт Симокатта писал о мидийцах, подразумевая персов. Лев Диакон называл болгар мисийцами, а россов периодически именовал скифами. Анна Комнина называла скифами печенегов. Иоанн Киннам обозначал венгров этнонимом гунны. Подобная традиция в действительности противоречила исконным принципам древнегреческого историописания, согласно которым каждый варварский народ приобретал собственное эллинское имя, связанное порой с настоящим самоназванием того или иного этноса. Не избежал подобной архаизации этнонимов и Прокопий Кесарийский, которого по праву считают крупнейшим представителем ранневизантийской историографии.

Прокопий

Прокопий родился в Кесарии Палестинской около 500 г. Его происхождение до конца не выяснено. Прокопий был либо эллинизированным сирийцем, либо палестинским греком. Он изучал право в юридической школе Берита и, возможно, также инженерное дело. После получения образования Прокопий приехал в Константинополь в самом начале правления Юстиниана и в 527 г. стал секретарем Велизария — одного из командующих восточной армией Византийской империи, действующей на персидском фронте. Прокопий сопровождал Велизария во время войны против шахиншаха Кавада, по-видимому, принимал участие в сражении при Даре в июле 530 г., завершившемся блистательной победой Велизария, а также в битве при Каллинике 19 апреля 531 г., неудачной для ромейского воинства. Вместе с Велизарием Прокопий в начале 532 г. вернулся в Константинополь, где стал свидетелем страшного восстания «Ника». Затем Прокопий находился при штабе Велизария во время вандалской кампании, по-видимому, являясь офицером разведки. Участвовал во взятии Карфагена и в битве при Трикамероне (сер. декабря 533 г.) с дружиной вандалского короля Гелимера. Проведя некоторое время в Карфагене в составе византийских оккупационных войск, Прокопий присоединился к Велизарии в начале готской войны (536 г.), принял участие во всех крупных операциях, включая взятие Неаполя (536 г.) и оборону Рима от готской армии короля Витигеса (март 537 — март 538 гг.). После отъезда Велизария на персидский театр военных действий в 541 г. Прокопий оказался в составе византийской полевой армии, которая действовала в Сирии против шахиншаха Хосрова I Ануширвана. В 542 г. Прокопий жил в Константинополе и стал очевидцем безжалостной эпидемии чумы (пандемия VI в.). В 542–546 гг. Прокопий, возможно, вновь оказался в Италии в составе новой византийской армии, где принял участие в боевых действиях против готского короля Тотилы. После 546 г. Прокопий жил в Константинополе до самой смерти, последовавшей около 562 г., занимаясь литературной деятельностью. Как следует из сообщений Суды, он достиг чина *vir illustris* [Свод, 1994, I, 170–174; En. Iran.: *Prokopios*, 2013].

Историография, посвященная Прокопию, необъятна, ибо его сочинения занимают исключительное место в истории античной и ранневизантийской литературы [Greatrex, 2014; Brodka, 2004; Kaldellis, 2004; Kaegi, 1990]. А. Тойнби ставил Прокопия в один ряд с Геродотом, Фукидидом и Полибием [Toynbee, 1939, 74]. Прокопий обладал колоссальной исторической эрудицией, подражая стилю Фукидида. Кроме того, Прокопий активно опирался на военно-исторические и географические работы Флавия Арриана и, вероятно, Приска Панийского. В связи с этим неслучайно, что Прокопий стал образцом для последующего византийского историописания от ближайших продолжателей — Агафия Миринейского и Менандра Протектора, до Анны Комнины. Обширная рукописная традиция Прокопия была достаточно подробно исследована М. И. Крашенинниковым, который внес существенные исправления в рукописную стемму, предложенную издателем Прокопия И. Хаури [Крашенинников, 1898]. К сожалению, Г. Вирт, редактировавший издание И. Хаури в 1960-е гг., оставил

стемму, предложенную М. И. Крашенинниковым, без должного внимания [Свод, 1994, I, 170–175].

Прокопий известен тремя произведениями, каждое из которых делает его крупнейшим представителем ранневизантийской историографии. 1. *De Bellis* в восьми книгах подразделяется на три части: *De Bello Persico*, *De Bello Vandalico*, *De Bello Gothico* — подробная история завоевательных войн императора Юстиниана, в которых Прокопий принимал личное участие. Книга была написана между 548 и 552 г. 2. *Anecdota*, или *Historia Arcana*, — политический памфлет, исполненный ненависти к Юстиниану, презрения к Велизаррию, смакующий пикантные подробности жизни Феодоры и Антонины. Вероятно, памфлет был написан после 552 г. Принадлежность этого сочинения Прокопию долгое время подвергалась сомнению. 3. *De aedificiis* — панегирик Юстиниану, написанный на рубеже 559–560 гг. Все указанные сочинения Прокопия помимо военно-политической истории содержат значительное количество этнографических понятий и этнонимов. Подобно многим античным историкам, таким как Геродот, Полибий, Тацит, Страбон, Арриан, Аммиан Марцеллин, Прокопий допускал в своих произведениях пространные географические экскурсы, которые были призваны поместить описываемые события в широкий географический и этнографический контекст. Наибольшее значение для исследования этнонимов, связанных со степными кочевниками древности и современной Прокопию эпохи, имеют в порядке убывания *De Bello Gothico*, *De Bello Persico*, *Anecdota*, *De aedificiis*, *De Bello Vandalico*.

Скифия и Сарматия

Этнополитическая ситуация, сложившаяся на юго-западных окраинах европейской Скифии в первой половине VI в., была достаточно сложной и запутанной. Совсем недавно завершилась активная фаза Великого переселения народов. Дикая Степь неоднократно меняла своих хозяев на протяжении многовековой истории. В дремучей древности, на глубине многих тысячелетий, отделяющих нас от энеолита и раннего бронзового века, степи северного Причерноморья и Прикаспия были, по мнению Л. С. Клейна, местом обитания грекоариев — группы индоевропейцев, впоследствии породивших три великие культуры: ахейскую, иранскую и индоарийскую [Клейн, 2010, 49–110, 165–194; Клейн, 2014, 510–517]. Ямная культура, катакомбная культура, срубная и андроновская культуры предоставляют археологическое обоснование подобному предположению. В начале I тыс. до Р. Х., в период, когда греки уже давно ушли на Балканы, иранские племена овладели Средней Азией и Ираном, а арии распространились в междуречье Инда и Ганга, причерноморские степи стали объектом нашествия киммерийцев — дикого народа, предположительно, иранского происхождения. Связать киммерийцев с какой-то определенной археологической культурой достаточно сложно. Предметы, определяемые как киммерийские, присутствуют в различных археологических культурах северного Причерноморья доскифской эпохи [Тереножкин, 1976]. Киммерийцы упомянуты Гомером: «Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана / Там киммериян печальная область, покрытая вечно / Влажным туманом и мглой облаков» (Odys. XI, 13–15, пер. В. А. Жуковского). По свидетельству Страбона, «Авторы „хроник“ доказывают, что Гомер знал киммерийцев, так как вторжение киммерийцев относится ко времени или немного раньше Гомера, или даже еще в гомеровскую эпоху» (Strabon. I, II, 9, пер. Г. Стратановского). В VIII в. до Р. Х. киммерийцы начали регулярно опустошать Ближний Восток. Книга Бытия упоминает киммерийцев среди сыновей Ноя под именем «Гомер» (Быт 10:1–3; Латышев, 1947–1949). Из письма урартского царя Русы I ассирийскому царю Саргону II следует, что киммерийцы были данниками Урарту, но затем успешно воевали против урартийцев (Латышев, 1947). Киммерийцы, согласно Геродоту, напали на Ионию (Herod. I, 6).

Около 700 г. до Р. Х. Передняя Азия стала объектом нападения новых ираноязычных кочевников — скифов. По свидетельству Геродота, опиравшегося на аккадские источники, скифы, вытесненные из Средней Азии своими родственниками — массагетами,

перешли Аракс (Окс) (Herod. IV, 11–12). Как отмечал В. И. Абаев, Геродот зафиксировал лишь одно из передвижений скифских кочевий, причем не самое раннее. Исследование скифо-европейских изоглоссов свидетельствует о наличии контактов между скифами и балто-славянскими племенами, между скифами и протоиталийцами уже во второй половине II тыс. до Р. Х. [Абаев, 1965; Абаев, 1971]. С другой стороны, общие изоглоссы могли возникать не напрямую, а при посредничестве третьей стороны, например киммерийского языка. Данная гипотеза предполагает ираноязычие киммерийцев, относительную близость их языка скифскому.

В начале VII в. до Р. Х. скифы, подобно киммерийцам, разорили Ближний Восток и создали самостоятельное царство Ишкуза в восточном Закавказье. В 679–674/673 гг. до Р. Х. скифский царь Ишпакай воевал против Ассирийской державы и погиб в бою с ассирийцами. К концу столетия скифы приняли участие в разгроме Ассирийской державы и во взятии Ниневии. В период 612–585 гг. до Р. Х. скифы господствовали в Передней Азии, опустошая области Междуречья. Проиграв борьбу Мидийскому царству, скифы после 585 г. до Р. Х. отступили на север, вторглись из Закавказья в кубанские степи и овладели областью Боспора Киммерийского [Артамонов, 1972]. К северу от Понта скифы прочно утвердились в степях, лежащих между Днестром и Доном. Известны названия некоторых племен скифского круга, в частности меланхлены, авхаты, царские скифы, подробно описанные Геродотом в знаменитом скифском экскурсе. Если на территориях к западу от Дона традиционно господствовали скифы, то к востоку от Дона вплоть до северо-западного побережья Каспийского моря располагались чуждые скифам по культуре, но близкие по языку савроматы (Herod. IV, 110–117). В 512 г. до Р. Х. скифы под предводительством царей Иданфриса, Скопаса и Таксакиса отразили нападение персидского царя Дария Гистаспа северо-восточнее Дуная (Herod. IV, 97–142; Argian. *Indica*, V, 6). В 339 г. до Р. Х. скифский царь Атей неудачно воевал с Филиппом Македонским (Iust. IX, 2). В 331 г. до Р. Х. Зопирион — наместник Александра Македонского, совершил поход в Скифию, осадил Ольвию, но был наголову разбит скифами (Iust. II, III, 4; XII, II, 16–17; XXXVII, III, 2).

В конце IV в. до Р. Х. европейская Скифия подверглась ужасающему нашествию сарматов — диких ираноязычных кочевников, пришедших из приуральских степей. По свидетельству Диодора Сицилийского, сарматы совершенно разорили Скифию (Diodor. Sic. II, 43). Лукиан Самосатский сохранил трогательную историю дружбы двух скифов — побратимов Дандамида и Амизока, ставших свидетелями страшного вторжения неприятелей. *«Был четвертый день дружбы Дандамида и Амизока — с того времени, как они выпили крови друг друга. Пришли на нашу землю савроматы в числе десяти тысяч всадников, пеших же, говорили, пришло в три раза больше. Так как они напали на людей, не ожидавших их прихода, то и обратили всех в бегство, что обыкновенно бывает в таких случаях. Многие из способных носить оружие они убили, других увели живьем, кроме тех, которые успели переплыть на другой берег реки, где у нас находилась половина кочевья и часть повозок. В тот раз наши начальники решили, не знаю, по какой причине, расположиться на обоих берегах Танаиса. Тотчас же савроматы начали сгонять добычу, собирать толпой пленных, грабить шатры, овладели большим числом повозок со всеми, кто в них находился, и на наших глазах насильно насиловали наших наложниц и жен. Мы были удручены этим событием»* (Luc. *Toxarid.* XXXIX, пер. Д. Н. Сергеевского). Как повествует Лукиан, Амизок был захвачен сарматами и звал на помощь побратима. Дандамид переплыл Танаис, явился в лагерь сарматов и предложил выкуп. Тогда один из сарматских воинов потребовал вырезать глаза Дандамида, на что последний согласился и такой ценой купил свободу Амизоку. Вернувшись к скифам, Амизок из сострадания к другу также ослепил себя. Скифы, воодушевленные мужеством героев, содержали их за общественный счет.

Вероятно, рассказ Лукиана отражает характерную для иранских кочевников традицию ослепления пленников. О наличии подобной традиции у самих скифов, в свое время ослеплявших рабов, свидетельствует Геродот (Herod. IV, 2). Вполне возможно, что традиция ослепления политических и военных противников, распространенная

в средневековой Византии, своим происхождением была как-то связана со скифско-сарматской политической практикой, воспринятой в раннее Средневековье армянами и ромеями через посредничество алан.

Сарматы наступали из-за Волги несколькими волнами с конца IV в. до Р. Х. по I в. по Р. Х. Первыми были донские савроматы, затем языги, достигшие Днестра, и роксоланы. Потом шли сирахи и аорсы, закрепившиеся в кубанских степях, и, наконец, в I в. по Р. Х. расселившиеся между Доном и Каспийским морем аланы. Сарматы создали в северном Причерноморье устойчивые военно-политические объединения. Лидером одного из таких объединений была сарматская царица Амага, воевавшая со скифами во II в. до Р. Х. (Polien. *Strat.* VIII, 56).

За плечами сарматов раскинулся бескрайний Туран — мир ираноязычных кочевых племен, которые заселили в эпоху бронзового века всю центральноазиатскую степь вплоть до Горного Алтая и Таримского бассейна. Ираноязычные племена Центральной Азии, известные в древнегреческих источниках под именем массагетов, а в древнеперсидских источниках под именем саков, стали создателями пазырыкской культуры, ядро которой располагалось на Алтае. Западнее Алтая на границе степи и южной сибирской тайги в эпоху бронзового века располагались племена, связанные с андроновской культурой. Если по мнению Л. С. Клейна андроновские племена были предками протоиранцев, то по мнению Е. Хелимского носители андроновской культуры по языку принадлежали отдельной исчезнувшей ветви индо-иранских кочевников [Хелимский, 1998]. Мигрируя в течение II тысячелетия до Р. Х. через территорию Западной Сибири к Уралу, андроновцы активно смешивались с местными протосарматскими и, возможно, угорско-самодийскими племенами. Тем самым создавались предпосылки для будущей экспансии ираноязычных кочевников в западном направлении. Сарматы, в отличие от скифов никак не связанные с культурными традициями эллинизма, представляли собой неукротимую и дикую военную силу. Эта сила несколько раз бросала вызов римской военной машине вплоть до второй половины IV в. по Р. Х. Закованные в чешуйчатые панцири из костяных пластин или из металла сарматские катафракты были опасным противником Рима [Хазанов, 1968]. Используя аналогичную тактику массагеты Центральной Азии часто становились наемниками на службе у главного соперника Рима на Востоке — Парфянского царства (Lucian. *Toxarid.* 39, Jordan. *Getica*, 24)¹.

За век до рождения Прокопия Кесарийского Скифия снова пережила страшный этнический катаклизм. Аммиан Марцеллин — римский офицер греческого происхождения, miles et graecus, ярко описал своей непередаваемой прецизирующей латынью ужасы гуннского нашествия. Народ, пришедший из степных недр с Востока, вероятно, бывший осколком древних хунну, разбитых сяньбийцами и китайцами, в 375 г. переправился через нижнюю Волгу и ударил по кочевьям аланов — самого могущественного на тот момент сарматского племени. Быстро поработив аланов, гунны устремились далее на Запад, пересекли Дон (по версии, восходящей к Евнапию, — Керчь-Еникальский пролив), вышли к Днепру и обрушились на эфемерную державу готского короля Германариха (Amm. Marc. XXXI, II–III, Jordan. *Getica*, XXIV, 121–130). Готская гегемония в Поднепровье традиционно связывается в археологической литературе с черняховской культурой. Как следует из сообщения Аммиана Марцеллина, Германарих был совершенно разбит и вскоре свел счеты с жизнью. Гунны очень скоро вышли к Днестру и границам Римской империи, увлекая вместе с собой на Запад новые племена и толпы беженцев. Происхождение гуннов представляет собой отдельную проблему. Наиболее распространенной является точка

¹ О сарматах в Скифии см.: (Латышев, 1947–1949; Herod. IV; Diodor. II, 43; Strab. VII, II, 1, III, 7–9, 17; Ovid. *Trist.* III, 10, 33, V, 7, 55, V, 12, 58; Ep. I, 2, 3, III, 2, 40; Senec. *Thyest.* 627–631; Plin. *Nat.* IV, 80; Ioseph. Flav. *De bello iudaico.* VII, 4, 3, VIII, 7, 4, Tacit. *Annal.* XII, 29, 30; Tacit. *Hist.* III, 5; Sueton. *Tib.* 41; Polien. VIII, 56; Appian. II, XII, 15, 69; II, XII, 15, 120; Dio Cass. LXVIII, 10, 30, LXXI, 7, 1–5; Ptol. *Geog.* II, 5, 1; Eutr. IX, 8, 2; Amm. Marc. XVI, 10, 20, XXXI, 2, 21; SHA Marc. XII, 1–2; Avid. Cass. IV, 6; Prob. XVI, 2; Car. Carin., Numer., IX, 4; Oros. 22, 7; Jordan. *Getica*, 282), [Смирнов, 1984; Лысенко, 2007].

зрения, согласно которой гунны были западной группой хунну — народа, в расовом отношении родственного монголам. При этом поздние хунну, вероятно, говорили на огурских языках, — языках, ранее всех прочих отделившихся от тюркской праосновы. По мнению М. И. Артамонова и Л. Н. Гумилева, гунны около трех веков кочевали в степях северного Приаралья после распада Хуннского шаньюя, активно смешиваясь с местными угорскими и иранскими кочевыми племенами.

Нашествие гуннов на Скифию стало катализатором Великого переселения народов. Согнанные с насиженных мест готы-тервинги и аланы нанесли поражение римской армии в 378 г. в битве под Адрианополем. В 406 г. объединенные орды аланов, бургундов, свевов и вандалов атаковали рейнскую границу Западной Римской империи и вторглись в Галлию. Готы утвердились на Балканах, а затем во главе с королем Аларихом совершили поход на Рим и в 410 г. овладели Вечным городом. Вскоре в западных провинциях одни за другими стали появляться варварские королевства. Гунны периодически совершали грабительские рейды на территории Восточной Римской империи, а в 430-е гг. создали мощную многоплеменную державу в Паннии под предводительством Руи, а позже Атилы и Бледы. Мы намеренно воздерживаемся от экскурса в историю европейских гуннов, так как подобный экскурс увел бы изложение далеко от нашего предмета исследования. В данной работе нашим предметом являются изменения этнографического ландшафта европейской Скифии и восприятие этих изменений Прокопием Кесарийским. Отметим только, что преемник Атилы Эллак был разгромлен гепидами в битве при Недао (453/455 гг.) (Jordan. *Getica*, I, 259–263), а его брат Денгизих был убит в схватке с восточно-римской армией в 469 г. Голова Денгизиха была доставлена в Константинополь (Marc. Com. *Chronica*, A. D. 469).

Гуннская держава распалась, и на ее руинах стремились незамедлительно утвердиться новые силы. После битвы при Недао в Паннии возникло варварское королевство гепидов. В Мезии сарматский король Бабай овладел Сингидуном и попытался создать королевство сарматов, которое вскоре было разгромлено остготами (готы-гревтуинги) (Jordan. *Getica*, LV, 282). В 463 г. на территорию «Гуннии» из-за Волги и Дона вторглись новые кочевые племена, представлявшие собой «арьергард» гуннского нашествия. В число новых народов, упомянутых Приском Панийским, входили огурские племена сарагуров, урогов, оногуров и, вероятно, монгольское племя сабиров, связанное своим происхождением с сянбийцами (Prisc. *Fr.* 24). Если протобулгары овладели территориями по берегам Дона, то сабиры ушли на Северный Кавказ к Тереку. Нашествие протобулгар и сабиров, вначале не слишком замеченное, привело к далеко идущим последствиям. Во-первых, это нашествие ставило крест на перспективах создания на развалинах гуннской державы сколь бы то ни было крупного алано-сарматского военно-политического объединения. Аланы Сарматии оказались разделены. Часть из них, вероятно, наиболее многочисленная, откочевала в верховья Кубани на территорию Пятигорья, где впоследствии возникнет средневековое государство Алания. Другая часть алан осталась на берегах Дона. Донские аланы перешли к земледелию и дали истоки будущей салтово-маяцкой культуры. Для полноты картины необходимо отметить, что аланы короля Гоара, создавшие королевство на Лигере (Луара) в окрестностях Аврелиана (Орлеана), были ассимилированы франками и галлами через два-три поколения. Испанские аланы, ушедшие вместе с Гензерихом и вандалами в Африку, по всей видимости, также растворились в вандалском обществе уже ко времени начала Вандалской войны (533 г.). Во-вторых, над Византийской империей, ставшей после 476 г. единственным преемником великого Рима, нависла угроза постоянных вторжений со стороны племен вроде бы незначительных, но агрессивных. Тем более, эти племена, как и гунны, говорившие по-огурски, абсорбировали остатки гуннской конфедерации. Уход остготов в Италию на некоторое время избавил Византийскую империю от прямой угрозы из-за Дуная, паннонские гепиды стали федератами империи. Однако обретшие после битвы при Недао независимость славяне и анты в конце V в. начали первые набеги на имперскую территорию, обретая в этих набегах серьезный военный опыт и первые

навыки этнической консолидации. Кроме славян из-за Дуная периодически стали появляться протобулгары, наиболее воинственными среди которых были обитавшие между Доном и Днепром кутригуры. Сабирь тревожили Армению и малоазийские провинции, атакуя империю через Дербентский проход и периодически вступая в контакты с Сасанидским Ираном.

«Гунны» Прокопия

Прокопий, кратко рассказывая об исторических событиях, связанных с Великим переселением, стремился описать войны Юстиниана, в которых участвовал он сам и его герой Велизарий. Прокопий не был географом наподобие Эратосфена, Полибия, Страбона или хотя бы Арриана. Однако Прокопий стремился к точности описания, поэтому он достаточно часто упоминал кочевые племена, представители которых служили в византийской армии бок о бок с самим Прокопием или, напротив, дерзостно угрожали империи ромеев. Наиболее часто Прокопий обозначал кочевые племена и солдат-кочевников, служивших в византийской армии, термином «гунны». В сочинениях Прокопия мы обнаруживаем более семидесяти пассажей с упоминанием «гуннов» или повествованием о них.

Рассказывая о «гуннах», Прокопий помещает их между Кавказским хребтом и озером Меотидой, т. е. фиксирует ситуацию, не адекватную для второй четверти VI в. По-видимому, подобный факт объясняется тем, что Прокопий использовал какую-то старую карту V в., а потому механически причислял к «гуннам» всех кочевников, населявших степи Предкавказья в современную ему эпоху. «Далее (перед Кавказом. — А. М.) идут равнины, удобные для езды верхом и орошаемые обильными водами, страна большая, ровная и удобная для разведения лошадей. Здесь поселились почти все гуннские племена, занимая пространство до озера Меотиды» (Procop. *De Bello Persico*, I, X, 5–6, пер. А. А. Чекаловой). Употребление Прокопием термина «гунны» кажется отчасти оправданным, так как, вероятно, какие-то остатки гуннской конфедерации еще существовали в середине VI в. в недрах кутригурского или даже утигурского племени. Прокопий именуется гуннами и тех и других. «В древности великое множество гуннов, которых тогда называли киммерийцами, занимало те места, о которых я недавно упоминал, и один царь стоял во главе их всех. Когда-то над ними властвовал царь, у которого было двое сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур» (Procop. *De Bello Gothico*, VIII, IV, 8; VIII, V, 2, пер. Кондратьева). Прокопий, возможно, излагает какую-то протобулгарскую легенду о происхождении кутригуров и утигуров от единого рода, но ошибочно отождествляет их с гуннами Аттилы. Можно было бы предположить, что влияние истинных гуннов на утигуров было более сильным, чем на кутригуров, так как по свидетельству археологических памятников утигуры активно практиковали искусственную деформацию черепа. Подобная традиция, широко распространенная в позднесарматский период и перешедшая к гуннам, у кутригуров встречается крайне редко. К сожалению, Прокопий использует совершенно анахронистический этноним «киммерийцы», чем сразу подрывает доверие к своим этнографическим экскурсам. Если истинные гунны действительно могли быть ассимилированы протобулгарскими племенами ко второй четверти VI в., то никаких киммерийцев в это время быть не могло. Появление «киммерийцев» в повествовании Прокопия объясняется влиянием Геродота, которого наш историк цитирует через посредничество «Перипла» Арриана: «Я не могу понять, почему земле, раз она едина, дано тройное название, заимствовавшее свои имена от трех женщин, и почему их границами назначен египетский Нил и Фасис, река Колхиды. Другие же считают такой границей реку Танаис, Меотийское болото и Киммерийский пролив» (Procop. *De Bello Gothico*, VIII, VI, 15; Arrian. *Perip.* XIX; Herod. IV, 45).

Прокопий по непонятным причинам отнес к гуннам также сабиров: «Тут (на реке Фасис (Риони). По замечанию А. А. Чекаловой, Прокопий путает реки Воа (Чорох) и Фасис (Риони). — А. М.) живет много различных племен, в том числе аланы и авасги,

являющиеся христианами и издревле находящиеся в дружбе с римлянами, затем зихи, а за ними гунны, которые называются савирами» (Procop. *De Bello Persico*, II, XXIX, 15). Этноним «сабыр», по мнению М. И. Артамонова, явно указывает на угорское происхождение этноса [Артамонов, 1962, 69–78]. Однако Прокопий, скорее всего, не знавший ни угорских, ни огурских языков, относит сабыр к гуннам на основании присутствия им и до конца еще не изжитого кочевого уклада жизни.

Эфталитов Прокопий именует «белыми гуннами» и свидетельствует об их антропологических отличиях от «традиционных» гуннов. «*Эфталиты являются гуннским племенем и называются гуннами, однако они не смешиваются и не общаются с теми гуннами, о которых мы знаем, поскольку не граничат с ними и не расположены поблизости от них, но соседствуют они с персами... Они светложки, не безобразны на вид. И образ жизни у них не похож на скотский, как у тех*» (Procop. *De Bello Persico*, I, III, 2). По-видимому, за подобной характеристикой скрывается указание на культурную связь эфталитов с иранскими народами Центральной Азии, с хионитами и юэчжами [En. Iran.: *Ephthalites*; Гумилев, 1959; Гумилев, 1967].

Использование Прокопием таких этнонимов, как «киммерийцы», взятые у Геродота, и «гунны», заимствованные из карт V в., возможно, даже из «Истории» Приска Панийского, сразу заставляет усомниться в адекватности использования им этнонима «массагеты». Кого же видит наш историк в качестве представителей этого древнего иранского народа, прославленного в кровавых битвах с фалангами Александра Великого?

«Массагеты» Прокопия

Истолкование этнонима «массагет» появляется у Прокопия в изложении боевого расписания византийской армии накануне вандальской войны (533 г.). В составе экспедиционного корпуса, отправленного Юстинианом на покорение вандалов, находилось два начальника конницы — Руфин и Эган «из дома Велизария», т. е. из его личной дружины. Эган — буккеларий Велизария, по свидетельству Прокопия был «родом из массагетов, которых теперь называют гуннами» (Procop. *De Bello Vandalico*, III, XI, 9). Тот же Эган упоминается Прокопием в описании боевого расположения византийской армии перед битвой при Даре в июле 530 г.

Согласно Прокопию, «массагетская», или «гуннская», кавалерия располагалась правее левого фланга двадцатипяти тысячной византийской армии, которым командовали Вуза и герул Фара. «...*снаружи рва, в углу, образованном поперечной траншеей и прямо идущим рвом, стояли Суника и Эган, массагеты родом, с шестьюстами всадниками, с тем, чтобы они в случае, если отряды Вузы и Фары обратятся в бегство, двинулись наискось и, оказавшись в тылу у неприятеля, быстро смогли помочь находившимся там римлянам*» (Procop. *De Bello Persico*, I, XIII, 20). Коннице «массагетов» под командованием Суники и Эгана суждено было сыграть важную роль в разгроме персов под Дарой. Как рассказывает Прокопий, во время удачной атаки подразделения кадисинов под командованием Питиакса против левого фланга ромеев «люди Суники и Эгана стремительным броском ринулись на врагов». Отряд массагетов предпринял контратаку против кадисинов, поддерживая левофланговых герулов, и обратил врага в бегство. «*Между тем мирран незаметно перевел на левый фланг (персидской армии. — А. М.) большое число воинов, в том числе всех так называемых бессмертных. Заметив это, Велизарий и Гермоген велели Сунике и Эгану с их шестьюстами воинами двинуться на угол правого фланга, где находились войска Симмы и Аскана, а позади них они поставили многих из личного войска Велизария (буккелариев. — А. М.)*». Когда началась атака «бессмертных» во главе с Варесманом на правый фланг ромеев, массагетская конница ударом слева разрезала группу атакующих на две части. При этом Суника поразил копьем персидского военачальника и сбросил его с коня на землю. В то же время справа «бессмертные» были атакованы отрядом «гиперкерастов» — засадного правофлангового отряда конницы под командованием Германа и Дорофея.

Персы, армия которых оказалась разрезана на две части, показали тыл и обратились в беспорядочное бегство (Procop. *De Bello Persico*, I, XIV, 39–50). Исходя из реконструкции тактики византийской армии, предложенной П. В. Шуваловым на основании сопоставления сведений Прокопия и Псевдо-Маврикия, следует, что «массагетская» конница в битве при Даре выполняла функции подвижного кавалерийского резерва. Этот резерв обеспечивал поддержку флангам византийской армии на угрожающих направлениях. Успех этого резерва в бою против персидских «бессмертных» был также обусловлен встречной правофланговой атакой «гиперкерастов» [Шувалов, 2006, 227–229]. В отличие от ахеменидских «бессмертных» сасанидские «бессмертные» представляли собой тяжелую кавалерию. Сам термин «гиперкерастис» — охват одного фланга неприятеля фланговыми сариссофорами, встречается в наставлениях по тактике Элиана и Арриана, описывающих боевое искусство македонской фаланги (Aelian. *Tact.* XLIX; Arrian. *Tact.* XXIX). По мнению П. В. Шувалова, разработка маневра гиперкерастов в конном бою принадлежала византийскому полководцу Герману [Шувалов, 2006, 174–176].

По свидетельству Прокопия, воины-массагеты отличались не только доблестью в бою, но и безудержной страстью к бесчинствам и безобразиям. Как справедливо отмечал Ю. Кулаковский, византийская армия Велизария наводила ужас на мирное население тех территорий, по которым она проходила и которые теоретически должна была освобождать от варваров. Во время вандалской кампании «два массагета в состоянии крайнего опьянения убили одного из своих товарищей, посмеявшегося над ними. Массагеты больше всех других людей любят крепкое вино. Велизарий тотчас обоих этих воинов посадил на кол на холме, находившемся недалеко от Авидоса» (Procop. *De Bello Vandalico*, III, XII, 8–9). Описывая моду столичных стасиотов, Прокопий свидетельствует о том, что «волосы на голове они спереди остригали вплоть до висков, а сзади, словно массагеты, позволяли им свисать в беспорядке очень длинными прядями. По этой причине такую моду называли гуннской» (Procop. *Anecdota*, VII, 10).

Описывая бой с вандалами под Карфагеном, Прокопий повествует о том, что «среди массагетов был человек, отличавшийся исключительной храбростью и силой, но командовавший небольшим отрядом. От отцов и предков он получил почетное право первому нападать на врагов во всех походах гуннов. Любому другому массагету было запрещено первому нападать в сражении и убивать врага прежде, чем кто-либо из этого дома начнет бой с неприятелем» (Procop. *De Bello Vandalico*, III, XVII, 13–14). Массагеты имели репутацию очень воинственного народа (Procop. *De Bello Vandalico*, III, XVIII, 17). Во время похода на Карфаген «массагетская» конница прикрывала левый фланг армии Велизария (Procop. *De Bello Vandalico*, III, XVII, 3; III, XVIII, 3). Массагеты отличились в сражении при Дециме (Procop. *De Bello Vandalico*, III, XIX, 18, 33). Они, названные на сей раз Прокопием гуннами, несли охрану крепостей в Центурии, составляли гарнизон Карфагена (Procop. *De Bello Vandalico*, IV, XIII, 2; IV, I, 9). В начале готской войны (536 г.) Велизарий захватил Неаполь, взяв город через не охраняемый водопровод. Массагеты особенно отличились при взятии города грабежами, они не чтити даже храмов и многих бежавших туда захватили в плен (Procop. *De Bello Gothico*, V, X, 29). Прокопий использует термин «массагеты» не только для характеристики воинов кочевого происхождения, служивших Византийской империи. В частности, наш автор приводит рассказ об одной интриге, характеризующей византийскую дипломатию. Император Юстиниан узнал от лазутчика о желании некоего племени «массагетов» соединиться с персами, осаждавшими Мартирополь (Тигранакерт) и напасть на Византийскую империю. Юстиниан одарил лазутчика деньгами, повелел ему прибыть в персидский лагерь и распространить слух о том, что массагеты были перекуплены Юстинианом (Procop. *De Bello Persico*, I, XXI, 13–14). Излагая историю отношений западно-римского императора Валентиниана III и Петрония Максима, Прокопий упоминает о том, что Аэций одержал победу над Аттилой, вторгшимся в пределы Римской империи с огромным войском «массагетов» и других «скифов» (Procop. *De Bello Vandalico*, III, IV, 24).

Анализ употребления Прокопием этнонима «массагеты» демонстрирует нам, что данный термин использовался им как синоним этнониму «гунны», но наделялся более конкретным смысловым содержанием. «Гуннов» Прокопий именовал в ряде фрагментов «киммерийцами» и «скифами», подражая Геродоту. Если этнонимы «киммерийцы» и «скифы» употреблялись Прокопием исключительно как средства географической архаизации, этнонимы «гунны» и «массагеты» были более адекватны исторической реальности второй четверти VI в. Эти этнонимы иногда взаимно заменялись Прокопием, который именовал ираноязычных эфталитов «белыми гуннами», а сам термин «гунны» прилагал ко всем кочевым народам, независимо от их происхождения. Таким образом, «гунны» Прокопия — общее название кочевников современной ему эпохи. В этом вопросе наш историк следует Приску Панийскому. В то же время этноним «массагеты» очевидным образом служит Прокопию в качестве своеобразного военного *terminus technicus*. Посредством этого термина Прокопий обозначает наиболее выдающуюся в военном отношении часть кочевого мира. «Массагеты» Прокопия — это те «гунны», которые либо воюют за Византийскую империю, либо воюют против нее. *Tertium non datur*. Возможно, подобное употребление этнонима «массагеты» с ярко выраженной военной коннотацией было связано с уже упомянутым влиянием Геродота на этнографию Прокопия.

Массагетский экскурс Геродота, вероятно, принадлежит числу наиболее ярких, хотя и не во всем достоверных, частей его труда. Как писал «отец Истории», *«массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем»* (Herod. I, 201). Река Аракс была описана Геродотом по двум источникам: аккадскому и греко-скифскому. Согласно аккадскому источнику Геродота Аракс (Кызылсу) начинается в Матиенских горах на северо-востоке Мидии, затем главное русло течет с Бингел-дага и, наконец, в нижнем течении (Кура) впадает с запада в Каспийское море. Согласно греко-скифскому источнику Аракс — это Узбой, высохшее устье Амударьи, впадавшее в Каспийское море с востока [Стратановский, 1972; Доватур и др., 1982]. Исходя из различной локализации геродотовского Аракса, местоположение массагетов в VI в. до Р. Х. варьируется от Мидии Атропатены до долины Окса (Амударья). Согласно Геродоту, в землях массагетов нашел свой конец персидский царь Кир Великий (530 г. до Р. Х.). Кир начал военный поход против массагетов, но был убит в кровопролитной битве с Томирис — массагетской царицей, которая перед этим отвергла брачные притязания великого ахеменида. *«Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе ее я узнал, между прочим, вот что. Сначала, как передают, противники, брос друг против друга, издали стреляли из луков. Затем исчерпав запас стрел, они бросились в рукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступить. Наконец, массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир»*. Рассказ о битве мог быть заимствован Геродотом как из ахеменидских летописей, так и, что более вероятно, из скифских сказаний. Томирис потеряла сына в персидском плену, и поэтому она велела отыскать тело Кира на поле брани, наполнила мех человеческой кровью и засунула в мех голову покойника со словами: *«Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына. Поэтому-то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью»* (Herod. I, 201–214, пер. Г. Стратановского). Страбон, ссылаясь на «Географию» Эратосфена, уточнил локализацию массагетов и поместил их на берегах Окса (Амударья), в то время как Яксарт (Сырдарья) отделяла саков от согдийцев: *«По словам Эратосфена, араховты и массагеты живут рядом с бактрийцами, на запад от них, по течению Окса»* (Strabon. XI, VIII, 8, пер. Г. Стратановского).

В эпоху Прокопия территория, на которой во времена Эратосфена обитали массагеты, входила в состав государства эфталитов — ираноязычного, по мнению большинства ученых, народа, история которого во многом до сих пор весьма загадочна. Прокопий как офицер разведки полевой армии Велизария, несомненно, лично

сталкивался с эфталитами, представлял себе их образ жизни и этнический состав их державы. По мнению большинства специалистов, эфталиты подчинили часть сакских (хиониты) и восточно-сарматских (юэчжи) народов, захватив территории Бактрии и Согдианы. Истинные массагеты — потомки Томирис и ее соплеменников, просто растворились в массиве иранских народностей западного Турана. Если учесть, что Прокопий называл эфталитов «белыми гуннами», нет ничего удивительного в том, что он объединял все известные ему кочевые племена наименованием «гунны», заимствованным у Приска. При этом Прокопий, участник двух персидских кампаний, по-видимому, сознательно выделял наиболее боеспособных кочевников в отдельную группу, присваивал им древний и славный этноним, принадлежавший соплеменникам легендарной Томирис — победительницы Кира Великого.

Источники и литература

Источники

1. Доватур и др. (1982) — *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1982.
2. Латышев (1947–1949) — *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. М., 1947, № 1–4; 1948, № 1–4; 1949, № 1–4.
3. Свод (1994, 1995) — Свод древнейших письменных известий о славянах / Под ред. Л. А. Гиндина, Г. Г. Литаврина, С. А. Иванова. М., 1994, 1995.
4. Iust. — *Iustini Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Accedunt Prologi in Pompeium Trogum* / Herausg. von Otto Seel. Stuttgart, 1972.
5. Herod. — *Herodoti Historiae. Vol. I–II* / Herausg. von Haiim B. Rosen. Leipzig, 1987.
6. Luc. — *Luciani Opera* / Herausg. von Matthew Donald MacLeod. IV Bde. Clarendon, Oxford: Oxford Classical Texts, 1972–1987.
7. Procop. — *Procopii Caesariensis Opera* / Herausg. von Jacob Haury, Gerhard Wirth. Vol. I–IV. Leipzig, 1962–64.
8. Strab. — *Strabons Geographika* // Herausg. und ubersetzt. von Stefan Radt. X Bände. Göttingen, 2002–2011.

Литература

9. Абаев (1965) — *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
10. Абаев (1971) — *Абаев В. И.* О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы // Проблемы скифской археологии. МИА 177. М., 1971. С. 10–13.
11. Артамонов (1962) — *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
12. Артамонов (1972) — *Артамонов М. И.* Скифское царство // Советская археология. 1972. № 3. С. 56–67.
13. Гумилев (1959) — *Гумилев Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. до н. э. // Вестник древней истории. 1959. № 1. С. 129–140.
14. Гумилев (1967) — *Гумилев Л. Н.* Эфталиты — горцы или степняки // Вестник древней истории. 1967. № 3. С. 91–98.
15. Клейн (2010) — *Клейн Л. С.* Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб., 2010.
16. Клейн (2014) — *Клейн Л. С.* Расшифрованная «Илиада». СПб., 2014.
17. Крашенинников (1898) — *Крашенинников М. И.* К критике текста второй тетрады *De Bellis* Прокопия Кесарийского // Византийский временник. 1898. № 5. С. 439–483.

18. Лысенко (2007) — Лысенко Н. Н. Этногенез и военная история иранских кочевников Евразии в период II в. до н. э. — II в. н. э. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. Владикавказ, 2007.
19. Смирнов (1984) — Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
20. Стратановский (1972) — Геродот. «История»: в 9 кн. / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1972.
21. Тереножкин (1976) — Тереножкин А. И. Киммерийцы. К.: Наукова думка, 1976.
22. Хазанов (1968) — Хазанов А. М. Катафрактары и их роль в истории военного искусства // Вестник древней истории. 1968. № 1.
23. Хелимский (1998) — Хелимский Е. Южные соседи финно-угров: иранцы или исчезнувшая ветвь ариев («арии-андроновцы») // Polytron. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 61–72.
24. Шувалов (2006) — Шувалов П. В. Секрет армии Юстиниана. СПб., 2006.
25. En. Iran: *Ephtalites* — Bivar A. D. *Ephtalites* // Encyclopedia Iranica. 2003.
26. En. Iran: *Prokopios* — Börm H. *Prokopios* // Encyclopedia Iranica. 2013.
27. Brodka (2004) — Brodka D. Die Geschichtsphilosophie in der spätantiken Historiographie // Studien zu Prokopios von Kaisareia, Agathias von Myrina und Theophylaktos Simokattes. Frankfurt am Main, 2004. S. 14–150.
28. Greatrex (2014) — Greatrex G. B. Perceptions of Procopius in Recent Scholarship // *Histos*. 2014. No. 8. P. 76–121.
29. Kaegi (1990) — Kaegi W. Procopius the military historian // *Byzantinische Forschungen*. 1990. No. 15. P. 53–85.
30. Kaldellis (2004) — Kaldellis A. Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity. Philadelphia, 2004.
31. Toynbee (1939) — Toynbee A. J. Study of History. London; Oxford, 1939. VI.

Andrey Mitrofanov. Procopius of Caesarea and “Massagets”.

Abstract: Article is devoted to the analysis of an ethnonym “Massagets” which is used by Procopius of Caesarea — the famous Byzantine historian of the 4th century. It is concluded that “Massagets” of Prokopius is a *terminus technicus* for designation of nomads in the Byzantine army or the nomads who make the war against the Byzantine Empire. Procopius as the intelligence officer of the field army of Belisarius, no doubt, personally encountered the Hephthalites, imagined their way of life and ethnic composition of their powers. According to most experts the Hephthalites conquered the part of Saki (Chionites) and East of the Sarmatian (Yueh-Chih) people, capturing the territory of Bactria and Sogdiana. True they are the descendants of Tomiris and her fellow just disappeared in the mountains of the Iranian peoples of the Western Turan. If you consider the fact that Procopius called the Hephthalites “white Huns”, it is not surprising that he combined all the known nomadic tribes to the name “Huns”, borrowed from Prisca. Thus, Procopius as a participant of two Persian campaigns, apparently, singled out the most capable of nomads in a separate group very deliberately, and gave them an ancient and glorious ethnonym belonging to the legendary tribesmen, Tomiris, the victorious Cyrus the Great.

Keywords: Massagets, Scythes, Sarmatians, Huns, Procopius, Belisarius, Nomadic People.

Andrey Yuryevich Mitrofanov — Doctor of Historical Sciences, Professor at St. Petersburg Theological Academy (nonrecuso-laborem@yandex.ru).

Sources and References

Sources

1. Dovatur et al. (1982) — Dovatur A. I., Kallistov D. P., Shishova I. A. Narody nashey strany v "Istorii" Gerodota. Teksty. Perevod. Kommentarii [Nations of our country in the "History" of Herodotus. Texts. Translations. Commentaries]. Moscow, 1982. (In Russian).
2. Latyshev (1947–1949) — Latyshev V. V. Izvestiya drevnikh pisateley o Skifi i Kavkaze [Evidences of ancient writers on Scythia and Caucasus]. *Vestnik drevney istorii*, Moscow, 1947, no. 1–4; 1948, no. 1–4; 1949, no. 1–4. (In Russian).
3. Svod (1994, 1995) — Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh [Collection of old written evidences about Slavs]. Ed. by L. A. Gindin, G. G. Litavrin, S. A. Ivanov. Moscow, 1994, 1995. (In Russian).
4. Iust. — *Iustini Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Accedunt Prologi in Pompeium Trogum*. Herausg. von Otto Seel. Stuttgart, 1972.
5. Herod. — *Herodoti Historiae*. Vol. I–II. Herausg. von Haiim B. Rosen. Leipzig, 1987.
6. Luc. — *Luciani Opera*. Herausg. von Matthew Donald MacLeod. IV Bde. Clarendon, Oxford: Oxford Classical Texts, 1972–1987.
7. Procop. — *Procopii Caesariensis Opera*. Herausg. von Jacob Haury, Gerhard Wirth. Vol. I–IV. Leipzig, 1962–64.
8. Strab. — *Strabons Geographika*. Herausg. und ubersetzt. von Stefan Radt. X Bände. Göttingen, 2002–2011.

References

9. Abayev (1965) — Abayev V. I. Skifo-evropeyskiye izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada [Scythian and European isoglosses. Between East and West]. Moscow, 1965. (In Russian).
10. Abayev (1971) — Abayev V. I. O nekotorykh lingvisticheskikh aspektakh skifo-sarmatskoy problemy [About some linguistic aspects of Scytho-Sarmatian issue]. *Problemy skifskoy arkheologii. MIA 177*, Moscow, 1971, pp. 10–13. (In Russian).
11. Artamonov (1962) — Artamonov M. I. *Istoriya khazar* [History of Khazars]. Leningrad, 1962. (In Russian).
12. Artamonov (1972) — Artamonov M. I. Skifskoye tsarstvo [Scythian Kingdom]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1972, no. 3, pp. 56–67. (In Russian).
13. Brodka (2004) — Brodka D. Die Geschichtsphilosophie in der spätantiken Historiographie. *Studien zu Prokopios von Kaisareia, Agathias von Myrina und Theophylaktos Simokattes*. Frankfurt am Main, 2004, ss. 14–150.
14. En. Iran.: *Ephtalites* — Bivar A. D. Ephtalites. *Encyclopedia Iranica*, 2003.
15. En. Iran.: *Prokopios* — Börm H. Prokopios. *Encyclopedia Iranica*, 2013.
16. Greatrex (2014) — Greatrex G. B. Perceptions of Procopius in Recent Scholarship. *Histos*, 2014, no. 8, pp. 76–121.
17. Gumilev (1959) — Gumilev L. N. Eftality i ikh sosedi v IV v. do n. e. [Hephthalites and their neighbors in the 4th century BC]. *Vestnik drevney istorii*, 1959, no. 1, pp. 129–140. (In Russian).
18. Gumilev (1967) — Gumilev L. N. Eftality — gortsy ili stepnyaki [Hephthalites are mountaineers or steppe men]. *Vestnik drevney istorii*, 1967, no. 3, pp. 91–98. (In Russian).
19. Kaegi (1990) — Kaegi W. Procopius the military historian. *Byzantinische Forschungen*, 1990, no. 15, pp. 53–85.
20. Kaldellis (2004) — Kaldellis A. *Procopius of Caesarea. Tyranny, History, and Philosophy at the End of Antiquity*. Philadelphia, 2004.
21. Khazanov (1968) — Khazanov A. M. Katafraktarii i ikh rol' v istorii voyennogo iskusstva [Cataphracts and their role in the history of military art]. *Vestnik drevney istorii*, 1968, no. 1. (In Russian).
22. Khelimskiy (1998) — Khelimskiy E. Yuzhnyye sosedi finno-ugrov: irantsy ili ischeznuvshaya vetv' ariyev («arii-andronovtsy»)?: [Southern neighbors of the Finno-Ugrians: Iranians

or the disappeared Aryan branch (“Arias-Andronovtsi”)?]. *Polytropon. K 70-letiyu Vladimira Nikolayevicha Toporova* [Polytropon. To 70-anniversary of Vladimir Nikolayevich Toporov]. Moscow, 1998, pp. 61–72. (In Russian).

23. Kleyn (2010) — Kleyn L. S. *Vremya kentavrov. Stepnaya prarodina grekov i ariyev* [The Centaur time. The steppe as an ancestral home of the Greeks and Aryans]. Saint Petersburg, 2010. (In Russian).

24. Kleyn (2014) — Kleyn L. S. Rasshifrovannaya “Iliada” [The Decrypted “Iliad”]. Saint Petersburg, 2014. (In Russian).

25. Krasheninnikov (1898) — Krasheninnikov M. I. K kritike teksta vtoroy tetrady *De Bellis Prokopiya Kesariyskogo* [To critics of the second book *De Bellis* of Procopius of Cesaeria]. *Vizantiyskiy vremennik*, 1898, no. 5, pp. 439–483. (In Russian).

26. Lysenko (2007) — Lysenko N. N. *Etnogenez i voyennaya istoriya iranskikh kochevnikov Evrazii v period II v. do n. e. — II v. n. e.* [Ethnogenesis and military history of the Iranian nomads of Eurasia in the period of the 2nd BC — 2nd AD]. Abstract of diss. ... Dr. of Histor. Sciences. Vladikavkaz, 2007. (In Russian).

27. Shuvalov (2006) — Shuvalov P. V. *Sekret armii Yustiniana* [The Secret of Justinian’s Army]. Saint Petersburg, 2006. (In Russian).

28. Smirnov (1984) — Smirnov K. F. *Sarmaty i utverzhdeniye ikh politicheskogo gospodstva v Skifii* [Sarmatians and the approval of their political domination in Scythia]. Moscow, 1984. (In Russian).

29. Stratanovskiy (1972) — Gerodot. “Istoriya”: v 9 kn. [Herodotus. *History: in 9 books*]. Ed. and transl. by G. A. Stratanovskiy. Leningrad, 1972. (In Russian).

30. Terenozhkin (1976) — Terenozhkin A. I. *Kimmeriytsy* [Kimmerians]. Kiev: Naukova dumka, 1976. (In Russian).

31. Toynbee (1939) — Toynbee A. J. *Study of History*. London; Oxford, 1939. VI.